

С. И. Гессен

СОВРЕМЕННАЯ
ДЕМОКРАТИЯ¹

В настоящих рассуждениях я буду иметь в виду современное демократическое государство, а не демократию вообще. Определить демократию вообще — дать определение, охватывающее настолько разнородные продукты истории, как античная афинская демократия, средневековая демократия швейцарских кантонов, демократия пуританских общин в Америке XVII — XVIII веков, американская демократия Авраама Линкольна, парламентская демократия XX века, — представляется мне невозможным. Поэтому ограничусь трудной, но более реальной задачей — определением того, чем является современное демократическое государство как исторический тип, зачатки которого возникают в конце XVIII века, а «полнота» расцвета вместе с признаками распада приходится на век XX. Не воспроизводя истории развития, но опираясь на исторический материал, я попытаюсь охарактеризо-

---

¹ Вниманию читателя предлагается одна из наиболее поздних работ С. И. Гессена, написанная в 1943–1944 годах в оккупированной Польше как первая часть книги «Упадок и возрождение демократии». Уже подготовленная к печати в подпольном издательстве, книга была уничтожена во время Варшавского восстания и лишь частично восстановлена автором после окончания войны. Очерк, получивший название «Современная демократия», был переработан Гессеном в 1949–1950 годах для ЮНЕСКО, но увидел свет лишь в 1957 году, в Риме, после чего неоднократно переиздавался в Италии, а также в Польше. На русском языке публикуется впервые. Примечания, сокращения, курсив и кавычки автора сохранены. Примечания, сделанные переводчиком, отмечены соответствующим образом. Перевод осуществлен по изданию: *Hessen S. Współczesna demokracja* // *Hessen S. Pisma pomniejsze*. Warszawa: Żak, 1997. S. 285–309. — *Прим. пер.*

вать современное демократическое государство как некий «исторический тип», в том понимании, которое дал ему Макс Вебер. Так же, как историки говорят об абсолютистском государстве XVIII века, о либеральном государстве XIX века, можно, как мне кажется, говорить и о демократическом государстве XX века. Цель моих рассуждений — как раз показать, что демократическое государство как «исторический тип» является третьим этапом в развитии современного правового государства, предыдущие этапы которого — государство либералистское и государство абсолютистское.

1

Утверждение, что абсолютистские правительства представляют собой первый этап в развитии современного правового государства, не столь парадоксально, как кажется на первый взгляд, особенно после основательного изучения правовой стороны абсолютистского устройства М. Рейснером².

Если рассматривать абсолютизм не только в его фактических достижениях, но и в конечных устремлениях, собственно, в его «идеальном типе», то можно сказать, что, разрушая средневековый партикуляризм сословий, корпораций, территориальных единиц и стремясь к созданию мощной центральной власти, он одновременно реализовывал четыре принципа, совершенно новых для феодального устройства и враждебных ему.

1. Вместе с концентрацией военной силы исключительно в руках центрального правительства, провозглашающего себя единственным представителем государства, абсолютизм также вводит принцип государственной законодательной монополии. Согласно абсолютистской доктрине (опирается ли она на идею богопомазанничества или же на рационалистическую идею общественного договора, как у Т. Гоббса) единственный источник права — воля государства, воплощенная в воле правителя. Право есть приказ власти, моральным либо религиозным долгом которой является забота о всеобщем благе (благе целого). Если же традиционное право или церковное право все еще сохраняют свою силу в период абсолютизма, то это происходит на основании скрытой либо явной предпосылки принятия соответствующих норм государственной властью.

Монополизация нормотворчества государственной властью связывается с унификацией и систематизацией традиционного права одновременно с его ревизией, нацеленной на приведение его в соответствие с новыми экономическими и социальными условиями. Наиболее известными памятниками такой кодификации права эпохи абсолютизма являются в XVIII веке прусский *Landrecht*, изданный во времена правления Фридриха II, а также австрийский кодекс Иосифа II, но к ним принадлежат также Кодекс Наполеона и *Свод законов* Российской империи, инициированный при правлении Александра I М. Сперанским. Этот почитатель Наполеона справедливо видел во французской империи «идеальный тип» абсолютистского государства, а в Наполеоне — не «бастарда революции», а образцового монарха.

2. Он полагал, что монополизация законодательства государственной властью и связанная с этим кодификация — необходимое средство для достижения подлинной цели, которая была сформулирована им в начале *Свода законов* следующим образом: «Российская империя управляется на твердом основании законов». Твердость правового порядка как идеальная цель,

---

² Ср. серию его статей об абсолютизме в журнале «Вестник права» за 1910–1911 гг. (Петербург), изданных позднее (1912) отдельной книгой.

к которой стремится абсолютистское государство, была основным мотивом всех упомянутых кодификаций. Провозглашая твердость правового порядка, государственная власть признавала всех своих агентов и саму себя связанной законами, которые сама издала. Другой вопрос, что действительность абсолютистского государства слишком часто не отвечала его идеальному типу. Отсутствие гарантии правопорядка было причиной постоянных злоупотреблений, подавляемых, кстати, государственной властью (если только они не совершались ее высочайшими органами).

3. С идеалом твердости права как нерушимого порядка (*ordre*) было тесно связано дальнейшее устремление абсолютистских правительств, а именно тенденция подчинения всего населения государства единому порядку, одному праву, равному для всех подданных. Последним этапом этого устремления было упразднение барщины и выравнивание правового положения крестьян. Не все абсолютистские режимы успели сами провести этот последний этап реализации принципа равенства. Во Франции это сделала уже революция, которая смела традиционное абсолютистское правление и провозгласила в 1789 г. лозунг либерализма, а в 1793 г. даже лозунг демократии. Однако в действительности эти модели либерального государства и демократии были реализованы значительно позднее, революция же, исчерпавшая себя и усмирившая после в империи Наполеона, довела в ней до конца устремления абсолютизма³. Она свергла прогнивший, деградировавший абсолютизм Бурбонов для того, чтобы ввести мощное и творческое правление Наполеона, более всего приближающееся к «идеальному типу» абсолютистского государства.

4. В то время как абсолютизм Бурбонов не имел силы упразднить автономные корпорации и институты, существующие еще со времен феодализма и соперничающие с новой бюрократией, ликвидацию этой шахматной доски полномочий осуществила революция, а Наполеон создал бюрократию, наиболее приближающуюся к идеальному типу.

Бюрократия как орган управления является четвертой характерной чертой абсолютизма. Во всех абсолютистских государствах, в большей или меньшей степени, бюрократия разрушает старые привилегии (рода и имущества) в распределении должностей и создает новую организационную иерархию межсословного характера, вовлекая все большее количество мещан. Аристократическая и придворная традиции деформирует этот принцип бюрократического равенства, требующий, чтобы продвижение по службе было обусловлено образованием и компетенцией, заслугами и годами службы. Равенство, которое абсолютизм стремится реализовать, — это прежде всего единство закона и его твердость, из которой, однако, с необходимостью вытекает формальное равенство перед законом, нивелирующее разницу происхождения.

В еще большей степени, чем принцип равенства, для бюрократии характерно четкое разграничение полномочий, являющееся зачатком более позднего «разделения властей». Ярчайший пример такого разграничения полномочий в абсолютизме — опять же империя Наполеона, в которой армия, суды, судебные ведомства, университет представляют собой отдельные, замкнутые в себе «тела».

---

³ Это основной тезис классической книги А. де Токвилля *Ancien régime et la Révolution*. В сущности, он уже видел, что историческим устремлением абсолютизма, в полноте реализованным только революцией, был принцип равенства перед законом.

Но еще ранее в Пруссии Фридриха II принцип организационного разграничения полномочий привел к такому уровню независимости судопроизводства, что можно было сказать, что «есть еще в Пруссии судьи». То же касается судопроизводства в царской России после реформы 1865 г.

Другое дело, что такая независимость при абсолютизме не могла быть удержана, особенно в делах, где в качестве сторон выступала государственная власть и ее органы.

Подготовив почву дальнейшего развития правового государства, абсолютизм должен был или преобразоваться в либеральное государство или разложиться. Это прекрасно понимал Монтескье. Защитник правопорядка, Монтескье был далек от идеи либерализма. В его понимании свобода не является независимостью индивида от государства, но только правопорядком, подчинением власти, изданным ей законам. «Политическая свобода гражданина, — говорит Монтескье (*Дух законов*, кн. 11, гл. 7)⁴ — покоится на свободе духа, вытекающей из уверенности в своей безопасности. В целях реализации этой свободы правление должно быть организовано так, чтобы один гражданин не боялся другого»⁵. Это определение свободы в какой-то мере совпадало с определением Аристотеля, чья *Политика* оказала на Монтескье не меньшее влияние, чем английская конституция⁶.

Это все еще самое элементарное понятие свободы. Содержанием его являются твердость закона как нерушимого порядка, в том числе для представителей власти, и равенство всех граждан перед законом, одинаково предписанного всем. В то же время так называемые «гражданские свободы», образующие содержание свободы либерализма, мало интересуют Монтескье. Тому же постулату равенства как твердости закона должен был служить и принцип «разделения властей» (*distribution des pouvoirs*). Он был средством, предохраняющим от злоупотребления властью, и Монтескье понимал под ним скорее равновесие (*balance*) органов государства, нежели их отделение друг от друга (*séparation*)⁷.

Дух законов Монтескье был наброском основных черт правового государства на его первом этапе, реализующем принцип равенства перед законом как нерушимым порядком. Монтескье рисовал в нем образцовый, идеальный тип абсолютизма, в особенности французского.

⁴ Вероятно, в тексте ссылки допущена опечатка. Следует читать: гл. 6.

⁵ Цитата приводится согласно тексту С. И. Гессена. В русском издании книги «О духе законов» читаем: «Для гражданина политическая свобода есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого гражданина» (См.: Монтескье Шарль Луи. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина; пер. А. Г. Горнфельд. М.: Гослитиздат, 1955). — Прим. пер.

⁶ Характеризуя английскую конституцию как последовательно реализующую принцип разделения властей Монтескье опирался на постановления *Act of Settlement* 1701 г. Когда *Дух законов* был опубликован (1765 [очевидно, имеется в виду 1748 год. — Прим. пер.]), эти постановления уже вышли из употребления и фактическая английская конституция ушла далеко в направлении парламентаризма: исполнительная власть подчинялась власти законодательной. Ср. замечательное исследование А. Кулишера *Les quatre constitutions d'Angleterre* в: "*Archives de la Philos. de Droit...*".

⁷ "Pour qu'on ne puisse abuser du pouvoir, il faut que, par la disposition des choses le pouvoir arête le pouvoir" (чтобы было невозможно злоупотреблять властью, одна власть должна держать в страхе другую).

Не будучи сторонником либерализма ни в понимании Локка, ни в трактовке английских пуритан, Монтескье, однако, выходил уже за границы абсолютизма. Поскольку в том принципе, что государственная власть понимается связанной законами, ею выданными, уже содержится в зародыше мысль об ограничении власти правом как возвышающимся над властью элементом, лишаящим власть ее самоуправства и одновременно придающим ей характер объективности и служения высшим ценностям. Свобода, по Монтескье, как твердость закона с логической необходимостью ведет к свободе как личной неприкосновенности, образующей зачатки свободы уже в понимании либерализма — как окружающей индивида сферы его свободного действия, непроницаемой для государственной власти. Абсолютизм, осуществленный в своей идеальной форме, с необходимостью преобразуется в либералистское государство. Поэтому также Монтескье не только закрывает период абсолютизма, рисуя его идеальный тип, но становится также авторитетом для создателей либералистского государства. На него ссылаются авторы деклараций прав американских штатов и французской революции 1789 г. — первых официальных документов либерализма.

Перевод с пол. Н. В. Данилкиной

О переводчике

Данилкина Наталья Валерьевна — канд. филос. наук, научный сотрудник Социально-гуманитарного парка Балтийского федерального университета им. И. Канта, natalia.danilkina@gmail.com

About translator

Dr. Natalia V. Danilkina, Research Fellow, Social Sciences and Humanities Park, Immanuel Kant Baltic Federal University, natalia.danilkina@gmail.com